

Голохвастов Э.Ю.

ТРЮМНЫЙ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Голохвастов

Трюмный

«Автор»

2026

Голохвастов Э. Ю.

Трюмный / Э. Ю. Голохвастов — «Автор», 2026

Действие повести происходит на подводной лодке "Варшава" в начале 90-х годов 20 века. Новобранец попадает в жёсткие условия дедовщины.

© Голохвастов Э. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Призыв	6
Учебка	9
Подсобное хозяйство	15
Наряд на кичу	17
Прощай, учебка	19
Бечевинка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эдуард Голохвастов

Трюмный

Все персонажи и события повести
являются вымышленными,
любые совпадения случайны.

Шифротелеграмма.

Кому: Штаб Тихоокеанского флота.

*Сообщаю, что при переходе из базы приписки «П-камчатский 54»
с ПЛ¹ пропал матрос срочной службы.*

Возможно, выпал за борт.

Ведется внутреннее расследование.

Командир в/ч 19216 Кубин.

---

¹ Подводная лодка

Призыв

В апрельский денёк, когда ошалелые воробьи громко чирикают, а воздух пропитан солнечным светом, Поляков, перепрыгивая лужи, бежал в военкомат, где решался вопрос о повторном его поступлении в высшее военное училище. В марте ему исполнилось восемнадцать, и перед военкоматом стояла дилемма – разрешить Полякову поступать или призвать на срочную службу. Поляков был уверен, что дорога в ВВКУ² ему открыта. Он представлял, как работник военкомата скажет по-отечески: «Руслан, не повезло в первый раз, повезет во второй, мы тебе поможем». Пожмет крепко руку, возьмет телефон, позвонит кому надо: «Тут у меня парень хороший, помоги». Потом, глянув на Полякова, изречет: «Считай, что уже поступил». От таких мыслей, весеннего тепла Полякову хотелось петь, настроение было радужное. Взлетев на крыльцо военкомата, он бодро прошел в здание, повернул в коридор, где толпились призывники. Поляков прислушался, призывники обсуждали медкомиссию и как закосить от армии. «Вот косилы - думал он, - не понимают толк в военной службе». Военным он хотел стать с детства, его воображение будоражили длительные марш-броски, стрельбы, тяжелые армейские будни. После просмотра фильма «Одинокое плавание», решил: «Буду морпехом». Полякова не смущал его маленький рост, неразвитая мускулатура. Он думал, что компенсирует эти недостатки выносливостью и настойчивостью. После школы Поляков поступал в военное училище, но неудачно сдав экзамены, не прошел по конкурсу. Зато в технический институт его взяли без проблем. Поляков решил проучиться здесь до весны, чтобы на следующий год вновь попробовать сдать вступительные экзамены в ВВКУ. Гуманитарию по складу ума, учеба в техническом институте не задалась, его отчислили за пропуски и неуспеваемость.

В военкомате усатый офицер, ведающий делами призывников, острым носом и строем черепа похожий на мышь, невнимательно выслушав сбивчивый рассказ Полякова о мечте стать кадровым офицером, спросил:

– Откосить от армии хочешь?

Поляков пытался объяснить: «Мол, с детства мечтал, готовился». Мышь встал на задние ноги, прошелся по кабинету, зачем-то понюхал кактус, стоявший на окне в паутине, устало потянулся, подумав про себя: «Знаем мы этих маменькиных сынков - побудет в училище пару лет, потом закосит и отчислится». А вслух сказал:

– Я тебя понимаю, но и ты пойми, у нас план по призыву горит. Отслужи положенные два года, посмотри на жизнь в армии, а там глядишь и не захочешь офицером быть.

Так планы Полякова рухнули, наткнувшись на безжалостный план по призыву. Клянуть, выпрашивать Поляков не умел, к тому же, действительно, военное училище - прекрасный способ откосить от армии - прослужить два года в более-менее человеческих условиях, найти повод и уволиться на гражданку. Поляков не хотел, чтоб о нем так думали и поэтому молча развернулся и ушел. «Как же так? – с досадой размышлял он. - Какая разница как служить? Какая несправедливость! Однако делать нечего, если с военным училищем не получается, то хотя бы нужно попасть в приличные войска». Приличными войсками Поляков считал ВДВ, морскую пехоту, пограничные войска, или службу в Афганистане. Поляков уже представлял, как поедет в Афган и там, получив награды за боевые действия, вернется, зайдет в военкомат к этой тыловой крысе и скажет... Нет он ничего не скажет, а просто посмотрит ему в глаза, и эта тыловая крыса, узнав Полякова, не выдержит взгляда закаленного бойца. Этого для мести будет достаточно.

Несмотря на горящий план, Полякова призвали только в июне.

---

² Высшее военное командное училище

Летним прохладным утром Поляков, как и другие призывники, сидел в автобусе, стоявшем во дворе военкомата. Возле автобуса толпились провожающие: родители, друзья, девушки. Полякова никто не провожал, у него не было близких знакомых в этом городе, с девушками не сошелся, а единственный друг Сергей тоже сидел в этом же автобусе. Пустым взглядом Поляков смотрел на провожающих - слезы, сумки, водка. Вот красивая девушка провожает парня, кажется мы с ней учились в одном институте, ее глаза были мокрыми от слез, она жалась к парню, о чем-то горячо говоря. Вот, автобус тронулся, увозя призывников в аэропорт. Там узнали - летят во Владивосток. Многие загрустили: Владивосток - морской город, и служить три года на флоте не самая лучшая перспектива. Поляков же был рад, он увидит море, о котором так много читал в книгах - романтика!

Самолет приземлился в самый разгар дня. Владивостокский аэропорт встретил теплым, сырым воздухом, ревом самолетных двигателей. Оранжевый диск солнца висел в туманной дымке. Призывники высыпали, разминая затекшие ноги. Сопровождающий прапорщик построил всех в колонну по трое. Необычное зрелище представлял этот ломаный строй. Уходя служить, все одели самое не нужное (всё равно выбрасывать) - рваные куртки, дырявые свитеры, спортивные треники с вытянутыми коленками, порванная обувь, сумки, рюкзаки, пакеты, к этой картине можно добавить небритые, опухшие от пьянок лица. Все были возбуждены, самолет в считанные часы увез их далеко от дома, молодые души жаждали приключений, романтика военной службы горячила кровь.

Через пару часов электричка привезла их на станцию «Моргородок». С перрона было видно море, призывники восхищенно ахали, удивляясь его бескрайним размерам. Построились, по колонне пронеслось: ведут в «экипаж». Прапорщик объяснил:

– «Экипаж» - это место, откуда вас заберут «покупатели» - представители военных частей, где будете служить.

Колонна подошла к воротам, на которых висели большие черные якоря, вырезанные из листового металла. Плакат на КПП³ с изображением моряка в белой бескозырке утверждал, что служба на КТОФ⁴ является честью. Хмурый матрос, открывший ворота, с интересом смотрел на разношерстную толпу, периодически выкрикивая:

– С Рязани есть кто? Кто с Рязани?

С Рязани никого не было. Поглазеть на новичков из казарм вышло несколько моряков. Одни радостно кричали: «Вешайтесь, дрищи!», другие подходили к призывникам, одетым получше, уговаривая подарить куртку или кроссовки, мол, на дембель скоро.

В глаза бросалась помойка, по которой ходили огромные жирные чайки, не боявшиеся людей. Чайки были размером с гуся, они деловито прыгали, с оглушительным криком перелетая с места на место. Призывников провели в казарму, назвав её кубриком. В кубрике в два ряда, через каждые полметра, стояли трехъярусные койки, некоторые были пустые, некоторые застелены.

Усатый матрос с широкими желтыми лычками на погонах, в бескозырке, сдвинутой далеко на затылок и красной повязкой на рукаве, громко, издевательски крикнул:

– Ну что, дрищи? Кончилась сладкая жизнь, вешайтесь, ваш набор на подводные лодки пойдет!

Новобранцы приуныли, тревожно переглядываясь. Поляков же обрадовался: «Подводная лодка! Вот это да! Лучше службы не найти. Повезло».

Повели обедать. На камбузе воздух пах какой-то «химией». Призывников усадили по десять человек. На каждый стол поставили большой алюминиевый бачок, - кому досталось сидеть рядом с ним, пришлось раскладывать пшеничную кашу по тарелкам. Из больших алюми-

---

³ КПП – контрольно-пропускной пункт

⁴ КТОФ – Краснознамённый Тихоокеанский флот

ниевых чайников по железным кружкам разливали безвкусный чай, отдающий тряпкой. Многие есть не стали, слишком разительным было отличие этой еды от домашней. Придя после обеда к своим вещам, обнаружили, что кто-то основательно в них порылся, у кого-то не хватало спортивного костюма, у кого-то фотоаппарата. Пытались жаловаться, но офицеры, выслушав, изрекали:

– Вам всё равно не понадобится.

В томительном ожидании призывники провели в «экипаже» долгих четыре дня, за это время большую часть. Тех, кто остался, проверили давлением воздуха в барокамере. На этом испытании Поляков почувствовал лишь небольшое покалывание в ушах.

На четвертый день, усталый капитан третьего ранга, обводя взглядом неровный строй рекрутов объявил:

– Кто хочет служить на подводной лодке, выйти из строя!

Новобранцы дружно засмеялись, приняв это за шутку. Но «кап три» не шутил.

Поляков, недолго думая, вышел. «Конечно, подводник - это не морской пехотинец, а подводная лодка - не Афганистан, но всё же довольно опасная служба, а уж романтики там хоть отбавляй», - размышлял он.

На собеседованиях у него спрашивали наличие водительских прав, и, хотя удостоверение у Полякова было с собой, он соврал, что потерял документ. Шоферить, хоть и два года, ему не хотелось.

Так вот он записал себя в подводники. Других, попавших в эту когорту и не спрашивали.

Учебка

Учебный отряд подводного плавания, или в простонародье «полста первый отряд», располагался на живописных сопках Владивостока. С территории отряда видна бухта Малый Улисс, по воде которой, оставляя белый пенный след, шли военные и гражданские корабли, а у пирсов просматривались длинные черные тела подводных лодок.

В учебке, окруженной высоким бетонным забором, находилось множество учебных корпусов, камбузы, школа мичманов, бассейны, ремонтные мастерские и многое другое.

Поляков, входя в большие металлические ворота отряда, с такими же якорями как в «экипаже», думал: «Здесь из нас, молокососов, сделают настоящих подводников, дадут знания, и обязательно научат плавать, а то какой же ты моряк, если не умеешь плавать».

По прибытию в отряд новобранцев распределили по ротам. Старшина, с неприятной нагло-властной рожей, построив рекрутов в колонну по три человека, объявил, что теперь они не гражданские лица, а курсанты учебного отряда, и он будет им папой и мамой. Первым делом старшина отвел курсантов в баню. Здесь он приказал всем раздеться, скинуть все гражданские вещи в кучу и забыть о них. На мытье дал 10 минут. Вода из крана бежала еле теплая, шаек на всех не хватило, кому досталась – повезло, успели намылиться и смыть, а когда прозвучала команда «Из бани бегом марш!», не все успели смыть мыло. Старшина торопил:

– Быстрее, духи, не у тещи на блинах.

В раздевалке на лавочках их ждала форма, настоящая, морская: темно-синие «голландка»⁵ и штаны, черная пилотка, черный кожаный ремень с желтой бляхой и выпуклым якорем на ней, тяжелые кожаные ботинки - «гады», черные трусы, носки, синий с белыми полосами гюйс⁶ и гордость моряка – тельняшка. Брюки имели необычный вид - привычная гражданскому человеку ширина отсутствует, ее заменяет большой откидной клапан, пристегиваемый к брюкам с боку, «голландка» же представляла собой куртку без пуговиц, одеваемую через голову, к воротнику «голландки» пристегивается неотъемлемая часть морской формы - гюйс.

Когда все оделись, старшина внезапно крикнул:

– Медленно одевайтесь, раздевайтесь!

Новобранцы шумно, путаясь в непривычной одежде, ища пуговицы на брюках, развязывая шнурки на ботинках, разделлись, выжидательно смотря на старшину.

– Одевайсь,- не замедлил с командой старшина.

Оделись.

– Раздевайсь!

Так началась служба на флоте, курсанты одевались и раздевались раз десять. Недовольство старшины вызывал кавказец, выделявшийся возрастом среди остальных, на вид ему было сильно за двадцать, худощавый, костлявый, неуклюжий. Он намного опаздывал с раздеванием и после каждой команды делал паузу, вопросительно смотрел на старшину, правильно ли он понял его слова. Сын гор недоумевал, его взгляд говорил:

– Зачем всё это?

Когда старшине надоел коллективный стриптиз, прозвучала команда:

– Из бани бегом марш!

Выбежав и построившись курсанты пошли в кубрик. Кубрик удивил Полякова идеальной чистотой и уютом. На стенах нарисованы красиво ныряющие дельфины, тут и там висели

⁵ Матросская форменная рубашка, сшитая из плотной темно-синей ткани. Не имеет застёжек спереди и надевается через голову. Имеет глубокий V-образный вырез на груди.

⁶ Форменный темно-синий накладной воротник

картины с подводными лодками. Большой средний проход делил кубрик пополам, по обе стороны стояли двухэтажные, аккуратно заправленные шконки⁷. Идеально ровно, белоснежными парусами стояли подушки, одеяла с двумя черными полосами были постелены так, что, если «прострелить» глазом вдоль полос от первой до последней шконки, получатся две идеально прямые черные линии. Рядом с каждой кроватью стояли по две баночки,⁸ а у изголовья две тумбочки для шило-мыльных⁹ принадлежностей.

Новобранцев усадили на табуретки, дав в руки черную нитку с иголкой и приказав вышить крестиком на вафельном полотенце букву «Н», что означало «ноги». Вышить получилось не у всех, да и не все умели держать иголку в руках. С горем пополам, подгоняемые старшиной, молодые закончили с вышиванием. Полотенца повесили на нижнюю часть спинки кровати таким образом, чтобы была видна вышитая буква «Н». Раздали постельное белье, его нужно было заправить особым образом - одну простынь на матрас, сверху одеяло, которое нужно максимально натянуть, вторую простынь аккуратно свернуть в полосу шириной около пятнадцати сантиметров, и уложить на одеяло по диагонали, заправив концы под матрас. Добившись идеальной заправки, курсанты построились в среднем проходе. Раздалась команда:

– На выход бегом марш!

Курсанты легкой трусцой выбежали на улицу. Там старшина, что был с ними в бане, недовольно произнёс:

– Очень медленно выбежали. В кубрик бегом марш!

Курсанты, матерясь, вбежали в кубрик, построились. Снова команда:

– На выход бегом марш! Последний моет гальюн¹⁰!

Курсанты, толкаясь, запинаясь, обгоняя друг друга, выскочили на улицу, никто не хотел быть последним. После получасовой беготни, их красных, вспотевших повели на камбуз.

– Ряз-ряз, ряз, два, три, - командовал старшина, коверкая слова, - левой, левой, выше ногу, на месте стой, раз-два. Плохо маршируете! Кругом! Бегом! Отставить! По команде «бегом» руки сгибаются в локтевом суставе. Бегом... - старшина сделал паузу, - марш!

Прибежали назад к кубику.

– На месте бегом! Стой! Кругом! - команды сыпались из старшины как крупа из дырявого мешка.

– Шагом марш!

Опять потопали к камбузу, затем назад. Так ходили несколько раз, нагуливая аппетит.

Наконец, зашли. Тут, как и в «экипаже», рядами стояли столы на 10 человек, также пахло чем-то химическим, на краю столов уже стояли алюминиевые бачки. Курсанты шумно расселись.

– Куда сели? Команды садиться не было! - крикнул старшина.

Все встали.

– Вот теперь сели, - разрешил старшина.

Кормили дурно пахнущей пшенкой. В каше ватой встречались кусочки свиного жира. Немного подслащённый чай был неприятного вкуса. Невольно вспоминалась байка о том, что в армии, чтобы подавлять сексуальные желания, в чай добавляют бром. Полякову, привыкшему к незатейливой студенческой пище, каша показалась вкусной. Внезапно прозвучала команда:

– Встать!

Оказывается, курсанты громко разговаривают и стучат ложками. Немного постояли, сели. Продолжили прием пищи. После обеда до кубрика дошли спокойно. Видимо, поев, стар-

---

⁷ Койка

⁸ Табуретки

⁹ Мыло, зубная паста, зубная щетка.

¹⁰ Туалет

шина был в хорошем настроении. По приходу дали 5 минут покурить, передохнуть, оглядеться. За бесконечной беготнёй, построениями, не было даже времени толком поговорить друг с другом. Поляков присмотрелся к сослуживцам, с которыми ему предстояло быть вместе ближайšie полгода. Кого тут только не было. Казахи, алтайцы, узбеки, таджики, молдаване, белорусы, украинцы. Среди казахов выделялся внешностью паренек с большой головой, плоским лицом, тяжелой челюстью, приплюснутым носом, большими, толстыми губами и таким узким разрезом глаз, что не видно было зрачков. Он по-бычьи, наклонив голову, курил, посматривая на старшину, по выражению лица было видно, что он интенсивно думает, колесики в голове медленно вращаются, соображая, чего ещё ждать от старшины. Внимание привлекал рыжий паренек с характерным украинским выговором, он расспрашивал старшину, когда будет отбой и когда будут учить плавать. Не унывая, он беспокойно перебежал от группы к группе, болтая разную чепуху, веселясь и дурачась, как будто он в пионерском лагере.

– Становись, - ожил старшина, - по ранжиру, росту, весу, жиру.

– Гордитесь, - продолжал он, - вы попали служить на Краснознаменный Тихоокеанский флот, в учебный отряд подводного плавания. Ваша рота номер 35, специальность «машинист трюмный». Здесь вас научат премудростям морской службы, а осенью направитесь в плавсостав на дизельные подводные лодки.

«Наконец-то стало ясно, кто мы», - подумал Поляков, - «машинист трюмный» как-то не звучит».

– Здесь вас научат дисциплине, ходить строевым шагом, качественно драить палубу, знать устав и многое другое, необходимое на флоте, - закончил старшина.

– А теперь в кубрик бег-ооом! Отставить! Бегооом! Отставить! По команде «бегом» руки сгибаются в локтях, корпус наклоняется вперед! - повторял старшина. - Бегом марш!

Рота дружно забежала в кубрик, где построилась на проходе. Там маленький плотный старшина, с глазами, заплывшими жиром, рассказал, что рота делится на три взвода. У каждого взвода свой командир, который будет курсантам отцом и матерью.

– А теперь всем мыть ноги, чистить зубы, готовиться к отбою, - скомандовал он.

К удивлению Полякова, курсантам выдали тапочки и прикроватные коврики. На тапочках с помощью спички новобранцы намазали белой краской свой боевой номер, этот же номер написан на бумаге и зашит в прозрачный плотный полиэтилен с левой стороны голландки. По номеру сразу понятно - с какой ты роты и взвода. Например, номер «35-2-11» - тридцать пятая рота, второй взвод, а одиннадцать - это твой индивидуальный номер в подразделении.

Вот ноги помыты, зубы почищены, рота построена, все с нетерпением ждут отбоя. Устали. За день столько впечатлений. А старшина не унимается:

– Равняйся! Отставить! Равняйся! Отставить! По команде «равняйся» вы должны видеть грудь четвертого товарища, голову наклонить так, чтобы левое ухо было выше правого.

– Разговорчики в строю! - раздражается старшина, - кто базарит? Опять этот рыжий! Рота, в галюн бегом марш!

Сорок человек, теряя тапочки, галопом бегут в галюн. Едва последний успел забежать, звучит команда:

– На среднем проходе становись!

– Очень медленно! Разойдись! Становись! Задерганные курсанты едва успевают выполнять требуемое.

Наконец раздаётся команда «Отбой», курсанты, не веря своему счастью, раздеваются, как попало бросая одежду на баночку. Улеглись.

– Рота подъем! Строиться на среднем проходе!

Построились. Старшина, усмехаясь, говорит сквозь зубы:

– А теперь посмотрите на свою форму - брошена как попало, обувь раскидана.

Он берет одежду одного из курсантов и показывает мастер-класс по её укладыванию. Форма аккуратно складывается так, чтобы её края не свисали с сиденья, белая полоска тельняшки должна четко выделяться в этом пироге, сверху кладется пилотка и скрученный в тугой сверток ремень, ботинки ставятся рядом с баночкой перпендикулярно среднему проходу, тапочки аккуратно убраны под кровать.

Полчаса ушло на отработку складывания одежды. Команда «Отбой». Поляков нырнул под одеяло и едва коснувшись головой подушки, сорвался куда-то вниз, в приятное падение, в голове быстро промелькнули – старшина, баня, бегодня. Казалось, проспал всего несколько минут, как громкий прерывистый противный звонок и яркий электрический свет разбудил его. Начинался второй день службы.

... Полетели дни за днями - бегодня, муштра, наряды, уборка. Поляков, неожиданно, оказался на плохом счету у старшин. Прослыл недисциплинированным и своенравным. Часто получал наряды вне очереди, плохо усваивал строевую науку.

«Ничего, - успокаивал себя Поляков,- вот начнется учеба, я покажу на что способен».

Через месяц начались учебные занятия. Курсантов водили в учебные классы, где стояли образцы непонятных механизмов. Классы были стерильно чистыми, свежееккрашенные учебные устройства приятно желтели, полы матово сияли. Старшина, отвечающий за классы, возмущался:

– Зачем привели толпу? Только палубу загадят.

Курсанты понимающе кивали, аккуратно шагали, боясь замарать пол. Здесь им в двух словах объяснили, что механизмы - это компрессоры, предназначенные для создания воздуха высокого давления. И курсанты должны знать назубок их устройство. Но пока учить некому, поэтому учёба откладывается.

Интересны были занятия по устройству подводной лодки. Курсанты узнали – для погружения субмарина принимает в цистерны главного балласта (ЦГБ) воду через специальные клапаны – кингстоны. Но воздух в ЦГБ не дает полностью заполнить их водой, поэтому нужно отверстие для спуска воздуха. Для наглядности, обучающий мичман приводил пример с консервной банкой: когда ее погружаешь вверх дном, она заполняется водой, но не тонет – этому мешает воздух в верхней части банки. А если проткнуть в дне банки отверстие, то она, выпустив воздух, утонет. На лодке роль этого отверстия выполняют специальные клапаны - воздушные заслонки. А вот для всплытия лодки и нужен воздух высокого давления. С его помощью выдавливают воду из цистерн обратно в море через те же кингстоны.

На занятиях по борьбе за живучесть (БЗЖ) рассказывали, как действовать в случае аварии, пожара, затопления. Курсантов водили на станцию БЗЖ, где были симитированы внутренности подлодки. В искусственную пробоину подавалась вода под давлением, а курсанты, одетые в специальные гидрозщитные костюмы, с помощью раздвижных упоров, клиньев, дощечек, должны были закупорить эту пробоину за максимально короткое время. Старшины рассказывали, что на самом деле до стенок лодки так просто не добраться, потому что по бортам идет множество трубопроводов, прикреплены различные приборы, механизмы, и если реально возникает угроза затопления, то отсек герметизируют, подают туда сжатый воздух, повышая давление в отсеке, тем самым создавая подпорку воздухом. Чем больше глубина погружения субмарины, тем большее давление необходимо создать.

Для отработки выхода из затонувшей субмарины, на станции БЗЖ установлены трубы, имитирующие торпедные аппараты. Один конец трубы выходил в бассейн наполненный грязной ржавой водой. Курсант, одетый в гидрокостюм и индивидуальный дыхательный аппарат (ИДА-59) залезал в это устройство, его там закупоривали, затем трубу заполняли водой, после чего в кромешной тьме, обучаемый должен был открыть крышку люка, и вылезти в бассейн, чтобы всплыть на поверхность воды. Поляков живо представлял этот ужас клаустрофоба. Как он залезает в эту темную трубу, за ним с лязгом закрывается крышка, вокруг ничего не видно и

не слышно, только сердце стучит в ушах. Аппарат с шумом заполняется холодной водой, которая обжимает гидрокостюм со всех сторон. Ритмично, в такт дыханию, работают перепускные клапаны ИДА-59. Вот аппарат заполнен. По железу постучали 3 раза - можно двигаться вперед и открывать внешнюю крышку. Дальше фантазия Полякова рисовала страшную картину - крышку заедает, ее нельзя открыть, назад тоже нельзя. Застрял! Воздух заканчивается, паника! В гидрокостюм начинает поступать вода! Воздуха всё меньше и меньше! Снаружи помочь не удастся, и курсант в ужасных муках погибает от нехватки воздуха и утопления.

Много часов было уделено индивидуальным средствам дыхания. Курсанты узнали, что ИДА-59 предназначен для работы как в загазованных помещениях, так и для всплытия из затонувшей субмарины. Этот допотопный аппарат состоит из трех баллонов и маски, похожей на противогаз, и предназначен для выхода с глубины более ста метров. Курсантам вдалбливали, на какой глубине нужно открывать гелиевый баллон, как после всплытия переключаться на дыхание атмосферным воздухом. Оказывается, с большой глубины нельзя всплывать быстро, так как при быстром всплытии в крови образуются пузырьки воздуха, которые закупоривают кровеносные сосуды, и может наступить смерть. Поэтому подводник поднимается с затонувшей лодки медленно по специальной веревке с узлами (мусингами). Поднимаясь, он считает узлы и через определенное их количество делает остановку на короткое время, а затем продолжает всплытие.

ПДУ - портативное дыхательное устройство - красная коробочка, без которой на лодке находиться нельзя. Подводник носит ее везде с собой: на обед, в галюн, в трюм, спит с ней. ПДУ обязаны носить все, от командира до матроса. Это устройство предназначено для экстренной защиты органов дыхания при возникновении пожара, его хватает минут на десять, за это время подводник должен переключиться в ИДА-59 или одеть маску стационарного аппарата дыхания. Если на лодке начинается самое страшное - пожар - отсек моментально заполняется дымом и пары вдохов угарного газа достаточно, чтобы потерять сознание, поэтому ПДУ должно быть всегда рядом.

Помимо получения знаний в классах, курсанты познавали службу из рассказов старшин, которые стращали годковщиной, то есть дедовщиной. Так курсанты узнали о градации по сроку службы: от ноля до шести месяцев службы - «дрищ», от шести месяцев до одного года - «карась», от года до полутора лет - «борзый карась», от полутора до двух лет - «полторашник», от двух до двух с половиной лет - «подгодок», от двух с половиной до трех лет - «годок».

- До полторашника будете летать: приборка, мойка посуды, сушка трюмов, выполнение прихоти годков, всё на вас, - округляя глаза, рассказывал старшина Лычев, по прозвищу Сыч. - Ложиться спать позже всех, вставать раньше всех, если старослужащий скажет: «прыгай», ты должен спросить на какую высоту. На лодке дают только хорошо поесть и помыться! Чуханов не любят, поэтому старайтесь за собой следить, стираться, гладиться.

Сыч был старше курсантов всего на полгода и не имел авторитета. Полноватый, в плохо пригнанной форме, вечно не выспавшийся, он практически ничем не отличался от курсантов, и его открыто презирали. Иногда он обиженный, науськанный другими старшинами, начинал гонять свой взвод. А взвод нехотя легким бегом забежал за угол кубрика и кричал хором: «Сыч п...с». Так как кричали все вместе, Сыч не мог выделить кого-то одного, от этого он приходил в бешенство, но ничего поделать не мог.

В целом, не любили всех старшин. Они, как на подбор, были злые, скверные характером. Сами бывшие ещё недавно курсантами, старшины, получая власть, проявляли свои нелюбимые качества сполна. У каждого были свои любимые способы показать власть, унижить курсанта. Самый популярный - муштра до изнеможения с утра до вечера. На прием пищи выходили из кубрика за час. Шагали чётким строевым шагом, перед дверью камбуза разворачивались и маршировали обратно, потом опять к камбузу и так несколько раз. Курсанты (особенно по началу) неразношенными ботинками (не зря их прозвали «гадами»), сбивали ноги

в кровавые мозоли, хромали, но терпели. Было стыдно обратиться с мозолью в медсанчасть, чтобы не прослыть слабаком. Если курсант, по какой-либо причине, не нравился старшине, его поднимали после отбоя, это называлось «поправлять коврики». Сонный курсант, уставший за день на строевых, лазил под шконками, поправлял коврики, тапочки, мыл туалет. И так каждую ночь, пока старшине не надоест, и он решит, что провинившийся достаточно наказан.

У одного из старшин было очень нежное обоняние - заходя после отбоя в кубрик, он поднимал уже заснувшую роту и, зажимая нос, говорил: «Фу-у-у, вонючки, возьмите свои «гады» и отнесите в сушилку». Сонные курсанты, чертыхаясь, несли обувь в тесную сушилку, а утром после подъема, толкаясь, второпях искали свои ботинки. Вечером этот старшина, собирал какой-нибудь взвод перед гладильной доской и показывал, как надуть одеколоном носовой платок.

«Сначала, - говорил он, - обрызгиваешь одеколоном весь платок, проглаживаешь горячим утюгом, затем сворачиваешь платок в два раза и снова брызгаешь, проглаживаешь и так каждый раз, пока платок не сложится до необходимых размеров».

Чистота на флоте всегда была на высоком уровне. Доконать уборкой проще простого. На пол в кубрике разливалось несколько ведер воды. Три - четыре курсанта, выстроившись в шеренгу на центральном проходе, принимали стойку как при низком старте и по команде «Бегом!» на четвереньках, ветошью¹¹ гнали воду к выходу, где выжимали тряпки в обрезы¹². Делалось это на скорость, кровь прилиwała к головам, поясницу ломило, бег на четвереньках был очень тяжел. А старшинам было только развлечение: - «Быстрее, сукины дети! - орали они. - Палуба должна блестеть как у кота яйца!»

Наконец вода собрана. Но старшине, командующему приборкой, не нравится, он берет ведро и снова разливает воду по всему кубрику. Гонки на четвереньках продолжаются.

Иногда, чтобы совсем доконать, воду гоняли, одев противогазы. Во время такой экзекуции курсанты задыхались, пот ручьями тек по лицу, хлюпая в нижней части противогаза, в запотевшие стекла было плохо видно куда бежать. Курсанты еле ползали, а старшинам всё мало - быстрее, быстрее...

А вечером, перед отбоем, старшины, развалившись на шконках, занимались, пожалуй, самым любимым развлечением - гоняли курсантов из кубрика на улицу и обратно.

– Рота, на выход бегом марш! - кричит один старшина.

– Рота, в кубрик бегом марш! - кричит другой. Курсанты как стадо баранов, толпятся, протискиваясь в узкие двери, а старшинам кажется, что медленно, снова команда:

– На выход бегом марш!

И десятки человек бегают, сломя голову, и так продолжается, пока дежурный офицер не остановит эту свистопляску.

---

¹¹ тряпка

¹² таз

Подсобное хозяйство

Служба без нарядов - не служба: дневальный по роте, наряд на камбуз, наряд по охране станции БЗЖ. Особенно тяжелым был наряд на подсобное хозяйство (ПХ) или попросту свинарник, где выращивали свиней для обеспечения потребности в мясе военнослужащих отряда. Про ПХ говорили: кто там был, тому не страшны никакие трудности. Оттуда курсанты приходили смертельно уставшие, грязные, и даже злые старшины, понимая и жалея, давали пару часов на стирку и отдых. В один из дней и Полякову пришлось побывать в этом наряде.

Свинарник находился в паре километров от учебки, на сопке в глубине небольшого леса. Наряд курсантов в количестве пяти человек, строем, ведомые старшиной, не спеша двигались вдоль дороги. За два месяца это был их первый выход за пределы учебного отряда. Поляков отвык от гражданской жизни, и самые простые и обыденные события, ничем не примечательные гражданскому человеку, вызывали у него интерес. Вот стоит машина с поднятым капотом - около неё двое мужчин. Они сегодня спокойно утром встали, лениво, никуда не торопясь, позавтракали, выехали по своим делам, они могут идти куда хотят, делать что хотят. Поляков с завистью посмотрел на лысого дядьку, копавшегося в двигателе и что-то сердито говорившего молодому пареньку. Паренек в ответ кивал головой и виновато улыбался. Особое внимание привлекали встречавшиеся девушки. Они шли, опустив глаза, чувствуя на себе взгляды курсантов, ветер колыхал их платья, обнажая колени, курсанты восхищенно ахали, провожая прекрасный пол долгими взглядами. От женских голосов щемило сердце. Старшина при виде девушек начинал громко командовать, покрикивать, показывая свою крутость.

По тропинке, бегущей в сопку, подошли к деревянному забору, ворота открылись, стойкий запах свиного дерьма ударил в ноздри. ПХ представляло собой три огромных свинарника, каждый имел свое название - «нижний», «средний» и «верхний». Курсанты, заступившие в наряд, должны кормить свиней и убирать клетки.

В небольшом двухкомнатном домике находилось помещение для отдыха наряда, в другой комнате жили двое старшин, поставленные управлять свинарником. Один из них, кавказец, с голым торсом, прохаживаясь вдоль строя курсантов, красуясь рельефными мышцами, говорил:

– Ващя задача накормить свиношек, убрать за ними, особое внимание уделять «верхнему» свинарнику - там содержатся свиноматки с поросятами, поэтому там нужно, чтобы пол всегда был посыпан свежими опилками.

Потом он распределил курсантов по свинарникам - один человек на «верхний», два на «нижний» и два на «средний». Поляков попал на «нижний» свинарник, считавшийся самым тяжелым, так как находился далеко от котлов, в которых варился корм свиньям. Свинарник представлял собой огромных размеров барак, разделенный клетями. В одиночных загонах, лениво помахивая хвостами, лежали невероятных размеров хряки с непропорционально длинными телами. По свинарнику, не боясь людей, деловито сновали крысы, рой больших зеленых мух густо гудел под потолком. В одном из загонных раздавался истошный визг - худую, всю в кровоподтеках, замученную свинью кусали ее собратья по несчастью, она устало забилась в угол и истошно визжала при каждом укусе.

Наступило время кормления. В огромные семидесятилитровые столовские баки наливалось варево из комбикорма и отходов, привозимых с камбузов отряда. Курсанты, взявшись за ручки бака, по скользким лестницам шли в нижний свинарник, чтобы накормить несколько десятков свиней. Предстояло подняться и спуститься по крутым лестницам несколько раз. Ноша невероятно тяжелая. Возле клетки бак нужно было поднять на уровень груди и через ограждение вылить в корыто. Свиньи жадно бросались на еду, большая часть корма выливалась им на голову. Старшины-свинарки зорко следили - кто сколько котлов отнёс. Уже после пяти ходок Поляков еле волочил ноги, они с напарником начали хитрить - наливали в бак меньше

корма и делили не на две, как положено, а на три или четыре клетки. К концу работы ломило спину, руки не поднимались, одежда была покрыта коркой расплескавшегося варева. Поляков с ужасом думал, что предстоит еще обеденное и вечернее кормление.

Не дав отдохнуть, старшина-свинарка приказал отвести свинью на убой с нижнего свинарника к специальному, выложенному кафелем разделочному столу.

Огромное жирное животное стояло посреди загона, испуганно сверкая заплывшими жиром глазами. Нужно было отсесть ее от основного стада, открыть дверь клетки и вывести, одновременно не давая другим свиньям разбежаться. Выгнать из загона было полдела, нужно было как-то дотащить ее наверх до бойни. Посовещавшись, решили одеть свинье бак на голову и вести задним ходом. Два человека держали бак за ручки. Пытаясь снять бак, свинья пятилась задом, как раз в нужном направлении. По ровному полу свинарника всё прошло легко, но предстояло преодолеть три крутых лестницы. Шумно дыша в котел, наступая курсантам на ноги, поскальзываясь, животное медленно, но верно поднималось вверх. Поляков, пятаясь задом, тянул её за хвост, придавая нужное направление. Медленно, шаг за шагом, измученные курсанты, перемазанные свиным дерьмом, привели животину на заклание. Старшина предложил курсантам заколоть свинью. Никто не вызвался.

– Ладно, смотрите, - снисходительно сказал он, - нужно ударить ножом под левый сосок, и дело сделано.

Курсанты, взявшись за передние и задние ноги, свалили животное. Старшина с размаху воткнул ей под левую переднюю ногу длинный свинокол, свинья громко завизжала, пульсирующая кровь побежала по ножу. Ее отпустили, свинья встала пошатываясь, никуда не убегая, помочилась, ноги подкосились, и она завалилась на бок.

К вечеру похолодало, обнаглевшие крысы бегали по спинам свиней. Полякову жутко хотелось спать, ныла уставшая спина. Ещё предстояло вычистить клетки от навоза и посыпать пол опилками. Поступили просто - убирать говно не стали, присыпав его сверху опилками. Стемнело. Ночью было приказано дежурить в свинарнике, так как одна из свиноматок должна была вот-вот разродиться. В случае родов нужно было звать старшину-свинарку. И как раз во время дежурства Полякова свиноматка начала рожать. Разбудили старшину, тот придя, сказал:

– Если свинья попытается съесть своих поросят, не дайте ей этого сделать.

Удивленный Поляков взял палку и наблюдал как среди грязного свинарника, скупо освещенного засиженными мухами лампами, кишашего крысами, появлялись на свет маленькие розовые, мокрые, визжащие поросята. Вылезая, они пытались встать на ножки, падали, ползли к равнодушно лежащей свиноматке и розовыми пяточками неумело тыкались в соски. Несмотря на страхи, новоиспеченная мамаша не проявляла никакого интереса к поросятам. Остаток ночи прошел спокойно, Поляков сонно сидел в свинарнике на перевернутом баке, ночные комары жужжали под ухом, мысли о нелегкой судьбе подводника лениво шевелились в голове. Под визг поросят и писк крыс, он уснул. Проснулся от того, что кто-то осторожно трогает его за мизинец, Поляков открыл глаза и от ужаса подпрыгнул: большая черная крыса, блестя глазами-бусинками, осторожно обнюхивала его пальцы. Сон быстро прошел, остаток ночи Поляков бесцельно бродил между клетями, рассматривая свиней и желая поскорее покинуть ПХ. А на утро пришла долгожданная смена, кошмары закончились, наряд радостно покинул свинарник.

Наряд на кичу

Через неделю после ПХ роту Полякова назначили в наряд по гарнизонной гауптвахте - киче, или «губе». Этот наряд считался ответственным, дежурство несло с оружием, заряженным боевыми патронами. На гауптвахте содержались солдаты и матросы, арестованные за различные провинности - самоволки, дедовщину, пьянство. Сидели здесь в специальных камерах и те, кому грозила тюрьма для военных - дисциплинарный батальон. Весь день перед нарядом курсанты учили устав гарнизонной и караульной службы - кто есть часовой, его права и обязанности. Старшины пугали побегом арестованных, мол, могут убить часового, отобрать оружие и сбежать. Поэтому на посту никого к себе не подпускать и, если что, стрелять.

На следующий день наряд, одетый по форме номер три (отглаженные черные суконные брюки, синяя суконная голландка, гюйс, черная бескозырка), погрузили в грузовик с надписью «люди» и повезли на кичу.

Гауптвахта, огороженная высоким оштукатуренным кирпичным забором с рядом колючей проволоки, находилась в черте города. Её здание было дореволюционной постройки, одноэтажное, с железной крышей. По рассказам старожил, здесь когда-то сидел герой гражданской войны Сергей Лазо. Во внутреннем дворе находился большой плац, посыпанный крупным песком, имелись разные хозяйственные постройки, уличный туалет.

Камеры с заключенными занимали большую часть здания. Они представляли собой мрачные помещения с небольшими зарешеченными окнами. Вместо дверей - решетки из толстых железных прутьев. Стены выкрашены грязно-зеленой краской. Стол и лавки забетонированы в пол, в углу урна.

После приема дежурства между курсантами распределили обязанности.

К радости Полякова, неприятная обязанность выводного – водить арестованных в туалет и следить за порядком в камерах, прохаживаясь по коридору, ему не досталась. Полякова определили на сторожевую вышку, стоящую в углу периметра кичи. Он должен был следить, чтобы никто не сбежал через забор. Вышка оборудована телефоном для связи с начальником караула. Метрах в пяти от вышки, на асфальте, белой краской выведена жирная полоса и большими буквами написано «СТОЙ!». В любого арестованного, который перешагнет эту черту, курсант имеет право стрелять. Заинструктированный до икоты, Поляков испуганными глазами смотрел на арестованных, в каждом виделся потенциальный беглец. А заключенные (з/к) уже знали, что в наряд заступили духи, едва отслужившие три месяца. Рядом с вышкой трое арестованных белили забор, один из них, от скуки, решил поиграть с Поляковым. Он медленно подходил к черте, показывая, что сейчас переступит ее. Поляков быстро срывал с плеча автомат и кричал: «Стой!». Арестованный, не испугавшись, всё же отбежал подальше, - кто знает, что на уме у этого дрища. Но немного погодя он опять приближался к черте. Поляков, выражая решимость стрелять, делая страшные глаза, кричал:

– Стой!

– Да мне плевать, как ты смотришь, - громко крикнул арестованный старослужащий с пышными усами и большим чубом, отвыкший, что духи осмеливаются смотреть на него без страха. Поляков по телефону позвонил в караулку и объяснил ситуацию. Через полчаса мичман увел провокатора от греха подальше.

На вышке дежурили по несколько часов днем, несколько часов ночью. В свободное время Поляков помогал разносить пищу по камерам и выводить арестантов в туалет.

Заключенные же большую часть времени занимались строевой подготовкой, час за часом под командой старшего наряда, они ходили строем по кругу. Некоторых водили на работы за территорию гауптвахты, там они мели, убирали, рыли канавы – исправлялись трудом.

Спали з/к на так называемых «вертолетах» - деревянных щитах, изготовленных из склоченных между собой досок. Утром с «вертолетами» арестованные выбегали на улицу, строились, и если старшим наряда что-то не нравилось, то арестованные, гремя деревом, бежали обратно в камеры, и так несколько раз. Затем, бегая по кругу, по очереди забегали в специальный сарай, ставили лежаки до следующей ночи. Днем лежать не полагалось. Белья тоже не полагалось, и весь срок арестованный спал под своей шинелью. Воздух в камерах влажный, под утро холодно, и арестанты, еще до подъема, все как один просились в туалет, выводящие не успевали и некоторые з/к втихаря мочились в коридор сквозь решетку.

Несмотря на страх побегов, наряд прошел спокойно, никто не убежал, никого не убили. Утром курсантов сменили. Они, довольные, делаясь впечатлениями, погрузились в знакомый грузовик и с сознанием выполненного долга покинули кичу.

Прощай, учебка

За муштрой, нарядами время пролетело незаметно. Подходил к концу срок нахождения в учебке. Курсанты научились лихо ходить строевым шагом, быстро выбегать ротой из кубрика, одеваться и раздеваться за сорок пять секунд, спать в любых позах в самых неудобных местах, следить за своим внешним видом, аккуратно заправлять шконки, мастерски подшивать подворотничок к «сопливчику»¹³, мыть палубу, беспрекословно подчиняться требованиям старшин. Получили минимальные знания об устройстве подводной лодки, механизмах, с которыми придется работать, основах борьбы за живучесть. Но главное - втянулись в службу. Служить на флоте, хоть и три года, казалось не таким уж страшным.

– Жить можно, - философствовали курсанты. Полгода прослужили, еще два с половиной и домой.

Наступила осень, в Приморье начался «бархатный» сезон. Солнце хорошо прогревало воздух, деревья начали желтеть, воздух пах опадающей листвой. Старшины потеряли свою злобу. Их радовала демобилизация главного старшины Бахырова. Этот щуплый казах держал в страхе всех старшин в роте. По сроку службы он был на полгода старше всех, и никто не смел прекословить ему. После дембеля Бахырова, старшины не скрывали радости и, не стыдясь курсантов, обсуждали, как они теперь вольготно заживут.

Курсанты тоже расслабились, в октябре строевых занятий практически не было, изредка отправляли в наряд на камбуз. Пользуясь относительной свободой, будущие моряки-подводники отсыпались где только возможно, популярным местом был склон сопки, где можно было, спрятавшись в высокой траве, уснуть на пару часов на тёплом уютном картоне.

Уже вовсю шли разговоры о распределении, куда пошлют служить дальше. Дурной славой в плане годковщины пользовалась база подводных лодок в Павловске, Тихоокеанске (Техасе), 19 бригада во Владивостоке, а мечтали служить на современной дизельной подлодке «Варшава». Решили, что на «Варшавянку» пошлют любимчиков старшин, а залётчиков определят на старую рухлядь. Успокаивало одно - попадут на дизельные лодки, а не атомные, где можно потерять здоровье, полысеть, и вообще стать импотентом. Кого-то должны были оставить в учебке на место старшины, гонять духов, опять говорили про любимчиков. Слава Богу, Поляков к таковым не относился.

Много разговоров ходило о годковщине, избиениях, унижениях на лодках. Живым примером была рота материально-технического обслуживания учебного отряда, здесь моряки служили все три года на берегу. Молодые этой роты выделялись замученным видом, страхом в глазах, грязной, мешковатой одеждой.

И вот, в конце октября, уже не курсантам, а полноправным матросам, выдали полный комплект обмундирования - теплый черный бушлат с блестящими желтыми пуговицами, хромовые ботинки, летнюю и зимнюю парадные формы и несколько видов тельняшек: простая, с начесом, маечка. Всё сложено в новенький рундук (вещмешок). Командир роты, капитан-лейтенант (его за всё время в роте видели пару раз), сказал перед строем напутственную речь, мол, не подведите, гордо несите честь подводников и всё такое в этом духе.

Полякову выпал жребий служить на Камчатке, а там, возможно, мечта всех курсантов - «Варшава». Удача! Камчатка! Здорово увидеть этот край вулканов, гейзеров.

На следующий день его и еще нескольких курсантов отвезли в аэропорт. Самолет взмыл в небо, взяв курс на Петропавловск-Камчатский. Прощай, Владивосток. До свидания, учебный отряд. Бывайте, старшины.

¹³ Нагрудник, элемент осенней и зимней формы одежды моряка

Бечевинка

Петропавловск-Камчатский расположился на берегах Авачинской бухты. Поляков с восторгом рассматривал, как из высоченной заснеженной сопки поднимался белый дым, словно кто-то зажег огромный костер. Было только начало ноября, а город уже был завален высокими сугробами снега. Дул сильный ветер, было морозно. Воздух Камчатки был на удивление чистым и вкусным, временами казалось, что не дышишь, а пьёшь.

Поляков, как и в самом начале службы, снова попал в распределительный пункт, который, в отличие от Владивостокского «экипажа», назывался «полуэкипаж». Здесь моряки также находились какое-то время в ожидании отправки по военным частям, кораблям, подводкам. В «полуэкипаже» царил дух веселья, расслабленности, отдыха. Не было строевых занятий, злых старшин, матросы предоставлены сами себе, много спали, на обед ходили по желанию, казалось, что про молодых забыли. В праздном времяпрепровождении бывшие курсанты провели несколько дней. Но всему хорошему приходит конец, вскоре Полякова и его сослуживцев погрузили в небольшую транспортную посудину с красивым названием «Авача», объявив, что дальнейшую службу они будут проходить на базе подводных лодок «Варшава», расположенной в бухте Бечевинская. Спустившись по крутому трапу на нижнюю палубу, они попали в большую просторную каюту, уставленную рядами деревянных сидений, прикрученных к полу. Через круглые иллюминаторы были видны морские волны, ударявшие о борт судна. «Авача», качнувшись, отчалила, медленно набирая ход.

Поляков первый раз плыл по морю, в настоящем корабле, вспоминались книги о морских путешествиях, приключениях, кораблекрушениях. Первый час плавания прошел в романтических думках, пока не началась качка. Стало дурно, съеденный обед просился наружу. «Авача», переваливаясь с боку на бок, поднималась по волне вверх и стремительно падала вниз. Внутренности Полякова тоже по инерции перемещались: то вверх, то вниз. Морская романтика исчезла, вдруг захотелось на твердую матушку землю. Вверх-вниз, с боку на бок, и опять вверх, у-ух – вниз. После шести часов изматывающей качки, «Авача» прибыла в пункт назначения. С позеленевшими лицами, едва стоящие на ногах, «бравые» матросы сошли на берег и, закинув за плечи рундуки, нестройными рядами двинулись к месту службы.

Бухта Бечевинская, или «Бечевинка», про которую на флоте говорили: «если Камчатка - это жопа, то Бечевинка - дырка в этой жопе», названа в честь владельца корабля, заходившего сюда когда-то. Другое имя у бухты - «Финвал», по названию сельдяного кита, обитающего в окрестных водах. Бухта затерялась между крутых сопек Шипунского полуострова. Ещё в 60-ые годы 20 века бухту облюбовали военные. С тех пор здесь базируются подводные лодки. Береговой военный городок состоял из нескольких жилых трёх-пятиэтажных домов, котельной, почты, магазина, школы, детского сада. Другого сообщения с «большой» землей, кроме «Авачи», не было.

На очищенном от снега плацу вновь прибывших матросов построили в шеренги. К строю подходили мичманы, офицеры, одетые кто в шинелях, кто в кожаные куртки с большими меховыми воротниками на плечах. По спискам выкрикивали фамилии и уводили с собой отозвавшихся моряков. Уже разобрали почти всех, а Поляков всё стоял, притопывая ногами. Но вот подошел маленький усатый мичман. Вызвав Полякова, он произнес:

– Следуй за мной, дрищ.

По дороге мичман пояснил, что его зовут Владимир, а фамилия Чесноков, к нему нужно обращаться «товарищ мичман», он является командиром трюмной группы, и Поляков поступает в его распоряжение. Служить Поляков будет на подводной лодке «Варшава», корпус «N». По обледеневшим дорожкам они пришли к трехэтажному зданию с большими окнами и облупившейся штукатуркой на стенах.

– Это наш кубрик, - рассказывал Чесноков. - Здесь живет личный состав нескольких лодок. Поднялись на второй этаж. Там, как и в учебке, по обе стороны центрального прохода, стояли ряды двухъярусных шконок. На одной стороне, не смотря на еще раннее время, на кроватях спали люди, царил полумрак.

– Это экипаж корпуса «L» спит после автономки, - пояснил Чесноков, и неожиданно спросил: - Тельняшка с начесом есть?

– Есть.

– Подари мне.

– Да, пожалуйста.

В заплечном мешке-рундуке Полякова находилось несколько тельняшек и подарить одну не было жалко. Чесноков, взяв тельняшку, оставил Полякова ждать экипаж, который вот-вот должен вернуться с лодки. Оказывается, когда ПЛ стоит у причала, моряки живут на берегу в кубриках. Утром экипаж уходит на субмарину, где занимается текущими делами – приборкой, ремонтом, проворачиванием механизмов, сушкой трюмов, покраской и т.д., вечером возвращается. В ночь на лодке остается только дежурно-вахтенная смена.

В кубрике дежурные матросы с красными повязками на рукавах подходили к Полякову, рассматривали новичка, расспрашивали:

– Откуда родом?

– Как там на гражданке?

– Какая специальность?

– А что на гражданке? - отвечал Поляков. Я сам уже как пять месяцев не снимаю тельняшку, а учили на машиниста трюмного.

– А-а, трюмный! Король воды, говна и пара! - смеялись спрашивающие.

Шумною толпою пришел экипаж.

Радостно улыбаясь, с возгласом: «Замена пришла!», к Полякову подошел высокий старшина с большим чубом, стриженными усами, на голове едва держалась зимняя шапка, сдвинутая далеко на затылок.

Старшину звали Геной.

– Зови меня Гешой, - сказал он Полякову.

Расспросив вновь прибывшего о гражданской жизни, службе в учебке, Геша поведал, что он - машинист трюмный, весной демобилизуется, а Поляков будет ему заменой.

Узнав, что Чесноков забрал тельняшку с начесом, Геша с досадой произнес:

– Вот же медуза сопливая.

За разговорами незаметно наступил отбой. Ночь прошла спокойно. Поляков зарылся с головой под одеяло и спал до подъема как убитый. Утренний распорядок удивил его - не было кричащей команды «подъем!», шума спешащих одеться моряков, просто включили свет и всё. Молодые сразу встали, старослужащие же валялись на шконках, прячась под одеялами. До завтрака духи мыли палубу, лазая под кроватями, кто-то заправлял чужие шконки. Полякова же к уборке не привлекали. Подтвердились рассказы о том, что первый день молодых не трогают, дают освоиться. А уж потом... Духам дают лишь хорошо поесть и возможность помыться, а про отдых и сон можно забыть надолго.

После приборки экипаж вышел на улицу. Было еще темно, редкие фонари освещали дорогу, кругом лежал снег. Сквозь сумерки начинающегося утра можно было разглядеть бухту, лежащую у подножья высоких сопот. Завывал холодный ветер. Экипаж неровным строем, в сопровождении офицера, пошел на камбуз завтракать. Привыкший в учебке ходить строем в ногу, Поляков опять удивился – экипаж шел в разнобой, с разговорами и шутками. Возглавляли строй молодые. Моряков, отслуживших не более полутора лет, было легко отличить по мешковатой робе, слегка грязной или застиранной. Ушивать одежду по размеру разрешалось с полутора лет службы, головные уборы можно было носить, строго натянув на лоб, а на заты-

лок ни-ни, усы молодым не полагались. Полякову вспомнились духи из роты обеспечения в учебке. Один из шагавших впереди строя матросов, с массивной нижней челюстью и большими ушами, торчавшими из-под шапки, нес банку с вилками и ложками. Штатные столовые приборы на камбузе алюминиевые, а подводникам не пристало есть алюминиевыми ложками, и поэтому каждый экипаж носит с собой запас ложек, вилок из нержавеющей стали. На завтрак давали белый хлеб, яйца, кофе, масло, сгущенку, колбасу и молочную кашу. Спокойно позавтракав, без всяких команд «встать-сесть», повеселевший экипаж вернулся в кубрик. По дороге встретили странную группу матросов - в шинелях без ремней. Они, кто с лопатой, кто с ломом, долбили лед на мерзлых дорожках. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоял мичман с красной повязкой. Один из группы, с узкими и немного косящими к носу глазами, широким лицом бурята, увидав экипаж, радостно поприветствовал всех.

В ответ посыпались вопросы:

– О, Мама Зона, привет! Скоро заканчивается кича? Когда в экипаж?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.